

УДК 811.161

САКРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗЕ И.С.ТУРГЕНЕВА «ЖИВЫЕ МОЩИ»: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

© Е.В.Хабибуллина

В статье рассматриваются особенности изучения рассказа И.С.Тургенева «Живые мощи» на занятиях по филологическому анализу текста в иноязычной аудитории. Актуальность данного исследования определяется обращением к лингвокультурному подходу в комментировании текста произведения, в частности к лингвокультурному комментарию сакральной символики произведения, позволяющему достичь должного уровня постижения студентами идейно-смыслового содержания произведения.

Ключевые слова: филологический анализ текста, русский язык как иностранный, лингвокультурное комментирование.

На современном этапе развития методики преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) филологический анализ художественного произведения в иноязычной аудитории, как правило, ведется, исходя из постулата, что художественный текст – это универсальный лингвокультурный источник. По словам В.В.Колесова, «раскрыть текст – значит понять культуру» [1: 376]. Отсутствие определенных лингвокультурных знаний делает полноценное восприятие текста невозможным. Таким образом, занятия по филологическому анализу текста в иноязычной аудитории обязательно включают в себя комментирование единиц, имеющих особое смысловое наполнение для культуры народа, язык которого изучается. Актуальность данной статьи определяется тем, что она представляет собой описание опыта работы на занятиях по филологическому анализу текста именно в рамках лингвокультурного подхода.

Общеизвестно, что, работая с магистрантами из Китая, владеющими русским языком в объеме ТРКИ-II (второй сертификационный уровень), преподаватель сталкивается с трудностями, которые не возникают, например, у обучающихся из европейских стран, знающих русский язык в том же объеме. В частности, слабое представление китайских магистрантов не только о православии, но и о христианстве вообще нередко становится причиной непонимания идей, заключенных в художественном тексте. Следовательно, имеющиеся в тексте слова, содержащие сакральный смысл, должны стать на занятиях в данной аудитории объектом особого внимания. Преподаватель должен обратить внимание обучающихся на то, что нередко анализ этих элементов произведения позволяет раскрыть позицию автора, например, в рассказе И.С.Тургенева «Живые мощи».

Рассказ был напечатан И.С.Тургеневым в 1874 г., но замысел его относится к концу 40-х – началу 50-х г. Хотя изначально это произведение не было включено в цикл рассказов «Записки охотника», ставший литературным дебютом писателя и принесший ему известность, впоследствии автор посчитал, что его необходимо ввести в данный цикл. Н.Ф.Буданова объясняет решение писателя следующим образом: «Тургенев понимал, что без этого рассказа «Записки охотника» были бы неполны. Поэтому рассказ «Живые мощи», являясь органическим завершением блистательного тургеневского цикла рассказов о народе, занимает также достойное место в ряду повестей и рассказов писателя второй половины 1860-х – 1870-х гг., в которых национальная суть раскрывается во всем многообразии типов и характеров» [2: 193].

К анализу этого произведения обращались в разное время, причем подходы со временем достаточно серьезно менялись. В советскую эпоху по понятным причинам исследователи старались представить источником, из которого черпает силу Лукерья, не ее религиозность, а стремление к подвижничеству, самопожертвованию, такая точка зрения представлена у Н.Ф.Дробленковой [3], А.Б.Муратова [4: 64]. На современном же этапе одни ученые считают, что вера Лукерьи представляет собой сложное переплетение христианского и языческого, – такую позицию занимает М.В.Костромичева [5], а другие православную веру, христианское мирозерцание героини видят как основу, на которой мог сложиться этот удивительный характер – об этом говорит Н.Ф.Буданова [2: 191], в этом же ключе рассматривает образ героини О.С.Кренжолек [6]. Данный подход видится нам наиболее близким к замыслу автора, поэтому мы исходим из того, что именно он должен быть взят за основу при

анализе текста рассказа на занятиях с иностранными учащимися. В последние годы достаточно регулярны обращения исследователей к анализу рассказа, можно обратить внимание на работы Н.А.Воскресенской [7], О.В.Дедюхиной [8], И.А.Калашниковой [9], Е.Ю.Шимановой [10], однако в литературе по методике филологического анализа текста в преподавании РКИ нет примеров анализа данного произведения.

Как показывает практика, у иноязычной аудитории не возникает трудностей в понимании сюжета: герой (молодой барин Петр Петрович) рассказывает о случайной встрече, произошедшей во время одного из выездов на охоту. Ему пришлось заночевать на хуторе, принадлежащем его матери; утром перед отъездом он выходит прогуляться и полюбоваться красотой природы. На пасеке в сарайчике-амшанике он встречает крепостную крестьянку Лукерью, раньше служившую в их доме. Некогда красивая и здоровая девушка предстала перед ним беспомощной больной, больше похожей на мумию, чем на живого человека, несколько лет прошло с тех пор, как несчастный случай обрек ее на мучительную обездвиженность. Однако Лукерья не ропщет, удивительно терпеливо переносит свои страдания, и этим вызывает удивление и восхищение рассказчика. Эту информацию магистранты легко вычленили из текста, но, как уже было сказано ранее, целостное понимание идейного содержания рассказа невозможно без анализа тех деталей и символов, которые имеют отношение к сакральной тематике. Для интерпретации ряда важных смысловых деталей рассказа у студентов отсутствуют необходимые пресуппозиции. Снять эти проблемы позволяет лингвокультурный комментарий. Вычленив из текста все слова и словосочетания, имеющие отношение к религии, учащиеся видят, что данный лексический пласт занимает весьма значительное место в тексте, выступая в роли ключевых единиц.

Прежде всего необходимо указать на то, что в тексте присутствует оппозиция «плотское – духовное», очень важная для русской национальной культуры как культуры православной. У слушателей необходимо сформировать представление о том, что жизнь Лукерьи после несчастья – постепенный переход от плотского, мирского существования к духовному. В первую очередь это отразилось на ее внешнем облике. Показательна ассоциация, которая появляется у рассказчика, не сразу узнавшего Лукерью, – «икона старинного письма». Именно на эту деталь следует обратить внимание аудитории. Контраст между тем, какой она была до болезни и какой стала сейчас, разителен: «*Эта мумия – Лу-*

керья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная...» [11: 231]. Описание внешности героини заключено и в прозвище, данном ей в деревне, именно оно вынесено в заглавие рассказа – «Живые мощи».

Слово «живые» магистрантам понятно, однако целесообразно обратиться к словарной трактовке слова «мощи». Например, «Словарь русского языка» слову «мощи» дает такое определение:

«1. Высохшие, мумифицировавшиеся останки людей, почитаемых церковью святыми...» [12: 306].

В этом же словаре говорится и о втором, разговорном значении этого слова – «Об очень худом, изможденном человеке», здесь студенты находят толкование словосочетания «живые мощи» – «то же, что мощи (во 2 знач.)» [12: 306].

Основываясь на данной информации, учащиеся делают вывод, что сочетание «живые мощи» представляет собой оксюморон. Прозвище всегда передает определенное отношение окружающих к его носителю. В прагматическом восприятии деревенских жителей Лукерья – беспомощное, а значит и бесполезное существо. Выразителем общего мнения является хуторской десятский: «*Богом убитая...стало быть за грехи; но мы в это не входим. А чтобы осуждать ее – нет, мы ее не осуждаем. Пуцай ее*» [11: 238]. Таким образом, в прозвище ярко отражается снисходительно-жалостливое отношение к героине. Однако является ли оно выражением авторской точки зрения – вопрос, на который учащиеся найдут ответ в процессе дальнейшего анализа рассказа.

Не менее разительна, чем изменение облика, и перемена характера Лукерьи. Десятский отзывается о ней: «*тихоня, как есть, тихоня*» [11: 238], хотя в прошлом она отличалась веселым нравом, сама Лукерья говорит о себе прежней «*бой-девка*» [11: 235], рассказчик же, характеризуя ее, использует слова «*хохотунья, плясунья, певунья*» [11: 231]. Но он употребляет еще один эпитет – «*умница*» [11: 231]. Именно это определение становится ключевым в понимании образа героини. Лукерья – человек, безусловно, глубоко чувствующий и понимающий, недаром автор наделил ее особым умением ценить красоту природы. Кроме того, она грамотна и «*читать завсегда охоча была*» [11: 233]. Тем более удивителен для рассказчика способ, который избрала она для преодоления тягот своего положения: «*я так себя приучила: не думать, а пуце того – не вспоминать*» [11: 233]. Человеку с богатым внутренним миром нелегко прийти к такому решению, источником силы для героини становится вера.

Во всем полагаясь на волю Бога, она говорит: «*Он лучше меня знает, чего мне надобно*» [11: 233]. Здесь уместно привести высказывание из Нагорной проповеди: «Блаженны нищие духом» и дать его толкование. Это позволит учащимся осознать, что отказ от воспоминаний о прошлом, от размышлений отнюдь не скудость разума и чувства, а сознательное отрешение от бесплодных сожалений, от мирского. Оно позволяет Лукерье не впасть в грех уныния, не жалеть себя, а искренне считать, что бывают люди, которым живется хуже, чем ей. Разумеется, и в ее душе иногда происходит борьба, особенно, когда рядом оказываются те, кто помнит ее красивой и полной жизни, – бывший жених Василий Поляков, барин Петр Петрович, но героиня преодолевает себя.

Идеал человека в русской православной традиции – святой, посвятивший себя служению Богу, именно о святых Лукерья говорит как об образце для подражания: «*Вот Симеона Столпника терпение было точно великое: тридцать лет на столбу простоял! А другой угодник себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи ему лицо ели...*» [11: 237]. На примере жития Симеона Столпника можно продемонстрировать, что для святых одним из способов приближения к Богу было умерщвление плоти. Для истинно верующего актуальна закономерность: чем более страдает тело, тем душа становится чище. Именно это объясняет студентам, почему Лукерья воспринимает свое положение не как наказание, а как испытание, посланное Богом: «*Послал он мне крест – значит, он меня любит*» [11: 233].

Лукерья с большой нежностью говорит о животных, это не только свидетельствует о ее доброте и любви к природе, но позволяет провести параллель с житийными произведениями: во многих из них встречаются эпизоды, в которых святой предстает другом и защитником всего живого.

Понимание снов Лукерьи также может представлять определенную трудность для магистрантов в силу насыщенности символикой. Анализируя первый сон, можно остановиться на следующих деталях: Лукерья, готовясь к встрече с женихом, вместо венка из васильков надевает на голову месяц: «*Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом осветила*» [11: 236]. Это свечение можно уподобить нимбу, с которым святые обычно изображаются на иконах. Вместо земного жениха к Лукерье приходит жених небесный – Христос. Символичны цвета, которые видит Лукерья во сне: синий, белый и золотой. Как правило, магистранты говорят, что именно эти цвета часто

встречаются в православных храмах. Лишившись счастья земного, Лукерья благодаря своей вере получает надежду на счастье вечное – в райских куцах.

Одним из способов приближения к Богу в христианстве является монашество. Обряд посвящения в монашеский чин предполагает совершение пострига волос – своеобразной символической жертвы, которую человек приносит Богу, подтверждая свою готовность посвятить служению ему всю свою жизнь. Давался обет безбрачия, поэтому в разговорной речи монахинь называли Христовыми невестами, так же иногда называли и девушек, не вышедших замуж. Описывая конец встречи, рассказчик упоминает следующее:

Я дал Лукерье слово исполнить ее просьбу и подходил уже к дверям... она подозвала меня опять.

– Помните, барин, – сказала она, и чудное что-то мелькнуло в ее глазах и на губах, – какая у меня была коса? Помните – до самых колен! Я долго не решалась... Этакие волосы!.. Но где же их было расчесывать? В моем-то положении!.. Так уж я их и обрезала... Да... [11: 238].

Героиня жертвует последним, что оставалось от ее былой красоты, безусловно, это символическая деталь, которая во многом объясняет, почему в этом сне Лукерья Христос обращается к ней, называя ее своей невестой, хотя она монахиней не является.

Во втором сне Лукерья видит умерших родителей, которые сообщают, что она своими страданиями искупает не только свои грехи, но и грехи других людей. Роль жертвенности в русском православии огромна, она лежит в основе русского национального сознания, поэтому Лукерья укрепляется в сознании, что болезнь – ее крест, безропотно неся который, она может помочь другим. Эта идея самопожертвования повторяется позже – в легенде, которую рассказывает Лукерья барину о деве-воительнице, добровольно взошедшей на костер ради своего народа.

Анализируя третий сон Лукерьи, обращаем внимание на то, что в нем появляется образ дороги. Жизнь человека, метафорически часто представляющаяся именно как путь, для Лукерьи – символическая дорога на богомолье. Здесь необходимо пояснить, что традиции ходить на богомолье (паломничество) для поклонения православным святым были широко распространены в России, прежде всего в крестьянской среде. В этом сне героиня узнает о дате своего ухода из жизни: «после петровок», т.е. после праздника в честь апостолов Петра и Павла. Заранее узнать время смерти дано только праведникам, и пра-

ведничество Лукерьи подтверждается тем, что предсказанное сбывается. В день смерти она слышит колокольный звон с неба. Погребальный звон в православной традиции звучит не только в знак скорби по усопшему, но и как надежда на вечную жизнь. Колокольный звон – символ архангельской трубы, а также символ Божьего гласа: Лукерью Бог призывает к себе, как и виделось ей в первом сне. Обращаем внимание аудитории на то, что рассказ о смерти Лукерьи следует непосредственно за словами десятского, подчеркивая их несправедливость. И здесь мы вновь должны возвратиться к трактовке заглавия рассказа. Будучи устойчивым сочетанием, это выражение характеризуется разговорной экспрессией, имеет ироническую окраску. Однако, как следует из содержания рассказа, ирония по отношению к Лукерье недопустима. Как уже говорилось выше, прозвище дано героине из-за ее внешности, и автор подчеркивает, что окружающие видят только ее физическую немощь, не осознавая величия ее духа. Оксюморонное по природе своей словосочетание, обычно употребляющееся в переносном значении, у Тургенева приобретает иной смысл. Тело Лукерьи при жизни переживает метаморфозы, практически мумифицируясь, т.е. превращаясь в «мощи», но душа ее жива и прекрасна. Таким образом, учащиеся убеждаются, что в заглавии рассказа Тургенева выражение «живые мощи» употреблено не как средство иронии, а как характеристика человека, достигшего высокой степени духовного совершенства при жизни.

Преподаватель сам составляет список произведений, выносимых для изучения в рамках занятий по филологическому анализу текста. Отбор текстов для занятий с магистрантами осложняется тем, что они должны быть для учащихся как объектом анализа, который обогатит их знания о русской литературе, о русской культуре, так и своеобразным «полигоном», на котором будут отрабатываться их методические навыки будущих преподавателей РКИ. На наш взгляд, рассказ «Живые мощи» соответствует данным требованиям. Анализируя это произведение, учащиеся из Китая не только углубляют свое представление о православии, о русской душе. Они учатся вычленять из текста те знаковые

элементы, которые будут способствовать более четкому декодированию его глубинных смыслов.

* * * * *

1. Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. – СПб., 2003. – 471 с.
2. Буданова Н.Ф. Рассказ Тургенева «Живые мощи» и православная традиция (к постановке проблемы) // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 188 – 193.
3. Дробленкова Н. Ф. «Живые мощи». Житийная традиция и «Легенда» о Жанне д'Арк в рассказе Тургенева // Тургеневский сборник. – Л., 1969. Вып. V. – С. 289 – 302.
4. Муратов А. Б. Тургенев-новеллист. – Л., 1985. – 199 с.
5. Костромичева М.В. Мифологический контекст в рассказе И.С.Тургенева «Живые мощи» // Спасский вестник. – 2005. – №12 // URL: <http://www.turgenev.org.ru/e-book/vestnik-12-2005/kostromichova.htm> (дата обращения 31.04.2013).
6. Кренжолок О.С. В поисках сокровенного: символы гармонии и простоты в творчестве И.С.Тургенева // Вестник Томского государственного университета. – №325. – Томский государственный университет, 2009. – С. 25 – 29.
7. Воскресенская Н.А. Смысловые и структурные функции концепта «долготерпение» в рассказе И.С.Тургенева «Живые мощи» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – №6(2). – Н.Новгород: Изд-во ННГУ им.Н.И.Лобачевского, 2011. – С. 109 – 111.
8. Дедюхина О.В. Сны и видения в рассказе И.С.Тургенева «Живые мощи» как компоненты жанра жития // Проблемы славянской культуры и цивилизации: Материалы IX Международной научно-методической конференции, 24 мая 2007. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007. – С. 143 – 146.
9. Калашикова И.А. Смысловая роль эпиграфа в очерке И.С.Тургенева «Живые мощи» // Святоотеческие традиции в русской литературе: сб. мат-лов II Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ч. I. – Омск: Вариант-Омск, 2009. – С. 104 – 114.
10. Шиманова Е.Ю. Мотив смерти в прозе И.С.Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006. – 22 с.
11. Тургенев И.С. Записки охотника. – М.: Художественная литература, 1985. – 254 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П.Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К – О. – 1999. – 736 с.

SACRAL IMAGES IN I.TURGENEV'S STORY «A LIVING RELIC»: LINGUISTIC-CULTURAL ASPECT

E.V.Khabibullina

The article discusses the features of studying Turgenev's story "A Living Relic" in the lesson of philological analysis with foreign students. The relevance of the study is determined by the reference to the linguistic and cultural approach in commenting on the text of the work, in particular, to the linguistic and cultural comment on sacral symbolism which allows students to better understand the ideological and semantic content of the story.

Key words: philological analysis of the text, Russian as a foreign language, linguistic and cultural comment.

* * * * *

Хабибуллина Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: elvikh@mail.ru

Поступила в редакцию 14.05.2013